

К. В. ЧИСТОВ

ЗАМЕТКИ О СБОРНИКЕ Н. Е. ОНЧУКОВА «СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ»

В 1908 г. вышел в свет один из интереснейших сборников русских сказок — «Северные сказки», — составленный известным собирателем народного творчества Н. Е. Ончуковым¹. Сборник, который и доныне остается одним из популярнейших собраний народных сказок, сразу же был замечен и читателями и исследователями². Между тем в фольклористике он получил чрезвычайно противоречивое и, нам думается, одностороннее толкование.

Сборник Ончукова вызвал особенный интерес исследователей русского народного творчества прежде всего потому, что возобновил прерванную почти на 20 лет традицию публикации русских сказок. Кроме того, он был составлен из записей, произведенных в бывшей Олонецкой и бывшей Архангельской губерниях, то есть в губерниях, прославленных замечательными мастерами былинного эпоса и русской причеты.

Исследователями отмечалось³, что сказки так называемого «русского Севера» очень долго оставались несобранными и неизученными, так как среди собирателей господствовало пренебрежительное отношение к сказке, как к жанру второстепенному, значительно менее ценному, чем былина, причетъ или обрядовая песня, ибо в сказке ярче выражено «личное начало», которое казалось случайным, не подчиненным определенным историческим закономерностям. В связи с этим сборник Н. Е. Ончукова рассматривался как «переломный», положивший начало иному отношению к народной сказке русского Севера⁴.

Вызвали интерес исследователей и отдельные моменты построения сборника (например, распределение сказок по исполнителям), техника записи (например, фонетически точные записи акад. А. А. Шахматова

¹ «Записки Рус. Геогр. о-ва по отд-нию этнографии». Т. XXXIII; отдельный оттиск тома — СПб., 1909.

² См. рецензии: Е. Елеонская. «Этнограф. обзор», 1909, № 1; Н. Селецкий и. «Журн. М-ва нар. просвещ.», 1909, апрель; G. Polivka. «Archiv für slav. Philologie». 1909, т. 31, вып. 1—2; С. Ф. Ольденбург. «Отчет Рус. Геогр. о-ва за 1908 г.» и др.

³ М. К. Азадовский. О русской сказочной традиции в Карелии. См. сб. М. К. Азадовского «Русские сказки в Карелии». Петрозаводск, 1947, стр. 5—24; о сборнике Н. Е. Ончукова см. стр. 10—12.

⁴ Этот пробел был ликвидирован в советское время публикациями и статьями И. В. Карнауковой, А. И. Никифорова, М. К. Азадовского, А. Н. Нечаева, Н. В. Новикова и др.

и относительно «вольные» приемы М. М. Пришвина), наконец, отдельные тексты сборника¹ и т. д.

В советское время неоднократно формулировалась общая оценка сборника. Мы не ставим перед собой задачу перечисления или разбора всех мнений, высказанных о сборнике, и остановимся лишь на тех из них, которые нам кажутся наиболее характерными.

В учебнике Ю. М. Соколова для вузов «Русский фольклор» повторяется оценка сборника, данная еще С. В. Савченко²: «Заслуга Ончукова в собирании и сообщении сведений о встреченных им сказочниках. Чрезвычайно счастливой явилась его мысль расположить сказочный материал не по сюжетам, а по сказочникам, с приведением их биографий и характеристик, то есть применить к расположению сказок тот же принцип, который в свое время применил к изданию «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинг³. Именно в этом и в сообщении сведений о бытовании сказок в Олонецкой и Архангельской губерниях видит Ю. М. Соколов основную заслугу Ончукова. Правда, в дальнейшем при общей характеристике русской сказки Ю. М. Соколов неоднократно обращается к текстам из сборника (то есть практически признает значение самих текстов сказок). Однако целостной оценки сборник в учебнике так и не получил.

В послевоенные годы М. К. Азадовский подчеркнул, что сборник впервые привлек внимание фольклористов к сказке русского Севера, и очень точно определил исключительную ценность записей А. А. Шахматова, обнаружившего превосходных сказочниц, «одна из которых, Тараева, является замечательной представительницей классического сказочного стиля и должна быть включена в число лучших мастеров русской сказки»⁴. Вместе с тем М. К. Азадовский убедительно показал, что ценность сборника снижается тем, что записи Ончукова носили «случайный характер», тем, что он не сумел обнаружить других крупных мастеров и, наконец, тем, что в сборнике волшебные сказки заняли сравнительно скромное место.

Все эти замечания, разумеется, имеют свои основания, и вместе с тем нельзя не заметить, что они касаются главным образом внешней стороны сборника, направлены на выяснение не столько его историко-фольклорной, сколько историко-фольклористической ценности. В той же плоскости лежит и оценка сборника, высказанная В. Г. Базановым в книге «Народная словесность Карелии». Здесь со всей решительностью повторяется мысль Ю. М. Соколова: «Основная заслуга Ончукова состоит в том, что он применил к сказочному материалу метод публикации Гильфердинга, то есть расположил тексты в сборнике не по сюжету, а по сказочникам»⁵. Кроме того, указывается, что вступительная статья Ончукова поставила ряд важных проблем, но не разрешила их (например, проблему творческой индивидуальности сказочника), и вместе с тем она знаменовала «окончательный поворот в русском сказковедении от мифологической теории к социально-этнографическому изучению фольклора»⁶. Последнее указание не точно, так как ко времени выхода в свет сборника Ончукова мифологическая теория была, как известно, далеким прошлым

¹ См., например: С. Ф. Ольденбург. Отзвук мотива «Валтасара» в олонецкой сказке. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. «Записки Рус. Геогр. о-ва по отд-нию этнографии». Т. XXXIV. СПб., 1909, стр. 565—566.

² С. В. Савченко. Русская народная сказка (история собирания и изучения). Киев, 1914, стр. 161—167.

³ Русский фольклор. М., Учпедгиз, 1941, стр. 298.

⁴ М. К. Азадовский. О русской сказочной традиции в Карелии. Стр. 11.

⁵ В. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1947, стр. 219.

⁶ Там же.

русского сказковедения. Но суть дела не в этом. Дело в том, что во всех приведенных оценках сборника сама сказка, то есть тот материал, который должен изучаться в первую очередь, остается за пределами внимания исследователей. Между тем не подлежит сомнению, что, если бы Н. Е. Ончуков и расположил сказки в своем сборнике как-то по-другому (кстати, названный выше принцип им далеко не выдерживается) и если бы записи Шахматова были фонетически не столь точны, сборник «Северные сказки» сохранил бы свое основное значение как один из богатейших сборников русских сказок и прежде всего как один из наиболее значительных сборников народных сказок предреволюционной поры.

Нельзя не вспомнить о том, что еще В. И. Ленин обращал внимание на значение сборника Н. Е. Ончукова.

Как известно из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, в один из мартовских вечеров 1918 г.¹ В. И. Ленин просмотрел несколько сборников русских сказок, былин и песен, доставленных по его просьбе из собрания Д. Бедного. Среди них был и сборник Н. Е. Ончукова. На следующий день В. И. Ленин встретился с автором воспоминаний, и между ними состоялась беседа, которая передается В. Д. Бонч-Бруевичем следующим образом: «Какой интересный материал, — сказал Владимир Ильич, когда я наутро вошел к нему. — Я бегло просмотрел все эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите, — добавил он, — вот здесь, в сказках Н. Е. Ончукова, которые я перелистал, — и он стал вновь просматривать эту книгу, — ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни.

К сожалению, в этот раз мне не пришлось дальше беседовать с Владимиром Ильичом по поводу поднятого вопроса. Но я понял, почему Владимир Ильич неоднократно говорил мне, что, записывая и собирая среди народных масс рукописи, рассказы, сказания, легенды, изложения различных учений и тому подобные произведения, я делаю нужное и важное дело. Я понял, что он относится к этнографии весьма положительно и глубоко понимает ее смысл и значение и хочет, чтобы этнографический материал всегда обобщался, анализировался и рассматривался с марксистской точки зрения. Конечно, он глубоко прав. Только научный, марксистский анализ даст нам возможность понять сущность народного творчества, отражающего вековую борьбу, желания и ожидания широких народных масс»².

Как следует из приведенного отрывка воспоминаний, В. И. Ленина интересовали в первую очередь не историко-фольклористические проблемы, связанные со сборником Н. Е. Ончукова (которые, разумеется, тоже не лишены некоторого интереса), а сам сборник, сами сказки, вошедшие в него. Именно на них В. И. Ленин и считал нужным обратить внимание историков литературы. Замечательное обобщение, высказанное В. И. Лениным в беседе с Бонч-Бруевичем, разумеется, сложилось на широком

¹ В. Д. Бонч-Бруевич отмечает, что беседа состоялась вскоре после переезда правительств в Москву. Подробнее о воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 7—17.

² Опубликовано впервые в журн. «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 4, в статье В. Д. Бонч-Бруевича «Ленин в поэзии». Набросок из воспоминаний цит. по статье: «В. И. Ленин об устном народном творчестве». Журн. «Советская этнография», 1954, № 4.

материале хорошо известной В. И. Ленину (очевидно, еще с детства и по позднейшим чтениям) русской сказки. Нелепо было бы выводить его из сборника Ончукова, как бы содержателен последний ни был. Однако примечательно, что Ленин считал сборник Ончукова **интересным** для изучения чаяний и ожиданий народных, находил в нем «замечательные места», считал, что опубликованные в сборнике сказки являются **«подлинно народным творчеством»**, важным и нужным для изучения народной психологии в годы гражданской войны («в наши дни», — говорит В. И. Ленин в 1918 г.). Поэтому интересно было бы установить, что могло побудить В. И. Ленина выделить сборник Н. Е. Ончукова среди других сборников, доставленных ему В. Д. Бонч-Бруевичем, каков состав этого сборника и что дает он для изучения «чаяний и ожиданий народных» и «народной психологии» предреволюционных десятилетий. Далее — сборник Н. Е. Ончукова открывается вступительной статьей. Судя по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, эта статья, как и другие статьи тех сборников, которые Ленин просматривал, по каким-то причинам не удовлетворила его. Поэтому Ленин и говорил о том, что, видно, «не хватает рук или желания» изучить заключенный в сборнике материал с позиций, которые он считал единственно правильными. В связи с этим возникает еще одна задача — оценить вступительную статью Н. Е. Ончукова с точки зрения требований, высказанных В. И. Лениным.

В настоящих «Заметках», не претендуя ни на всестороннее, ни на окончательное решение этих задач, мы попытаемся коснуться некоторых особенностей сборника Н. Е. Ончукова, которые представляются особенно примечательными.

* * *

Для правильного понимания состава и структуры сборника Н. Е. Ончукова необходимо восстановить некоторые моменты истории его возникновения.

В 1903 и 1904 гг. Н. Е. Ончуков на Печоре, в Поморье (районы побережья Белого моря, ныне входящие в состав КАССР и Архангельской области) и в Олонецкой губернии собирал былины, вошедшие в известный сборник «Печорские былины». Попутно он записывал и сказки, не предполагая, что его записи лягут впоследствии в основу специального сборника. «Когда сказители в селениях, где я записывал старины, — пишет собиратель в предисловии к «Северным сказкам», — были мною использованы и между поездкой в другое селение оставалось свободное время или ехать было еще нельзя, я занимался на Печоре поисками рукописей, осмотром архивов местных церквей и уже после всего записывал сказки» (XIX). Несмотря на относительную случайность первых записей, у Ончукова накопилось довольно много сказок, и в 1905 г. он предложил Русскому Географическому Обществу издать их в одном из томов «Записок» по отделению этнографии. Академик А. А. Шахматов, узнав о решении Общества издать сказки Олонецкой и Архангельской губерний, предложил Ончукову свои записи сказок, произведенные им еще в 1884 г. во время поездки по Карелии с целью изучения народных говоров Заонежья. К текстам Ончукова и Шахматова были присоединены несколько сказок, извлеченных составителем из архива Географического Общества (главным образом из фонда К. М. Петрова). Так началось печатание сборника, составляющего к этому времени примерно 15 печатных листов. Затем были дополнительно получены записи Шахматова, хранившиеся у Е. В. Барсова, и сборник уже в процессе набора вырос

до 25 листов. Летом 1906 г. по Карелии путешествовал известный впоследствии писатель М. М. Пришвин. Записи М. М. Пришвина (5 листов) были также предложены Н. Е. Ончукову для включения в уже печатавшийся сборник. Кроме того, к этому времени в архиве Академии наук были обнаружены записи сказок учителя Д. Георгиевского из с. Муромля Олонецкой губернии. Но и на этом не закончилось пополнение сборника. Летом 1907 г. Н. Е. Ончуков снова записывал сказки в Архангельском и Онежском уездах Архангельской губернии. Так, в процессе набора и печатания объем сборника вырос до 37 печатных листов. Случайная публикация превратилась в большую и содержательную книгу.

Таким образом, сборник создавался без первоначального плана, принцип распределения сказок по исполнителям выдерживался лишь там, где это оказывалось возможным¹. И наконец, и это особенно важно, сказки по существу не подвергались никакому отбору, а печатались по мере их поступления. Все это, с точки зрения современных принципов издания, не составляет сильной стороны сборника Н. Е. Ончукова. И тем не менее, нам думается, что издательский эмпиризм Ончукова именно и делает его сборник особенно привлекательным среди других сборников предреволюционных десятилетий. Современная Ончукову севернорусская сказка предстает в его сборнике в натуральном виде, без прикрас и подделок, без тенденциозного отбора и обработки². Мы вовсе не думаем возводить работу Н. Е. Ончукова в идеал. Разумеется, гораздо больше дал бы нам сборник сказок, освобожденный от всего случайного и малоинтересного, сборник, который заключал бы наиболее типичные образцы севернорусской сказки предреволюционного периода, то есть сборник, который, как всякое научное издание, был бы обобщением важнейших сторон развития русской сказки на исторически определенном этапе. Однако характер вступительной статьи к «Северным сказкам» ясно говорит о том, что Н. Е. Ончукову не под силу было бы такое обобщение и всякая попытка подобного рода привела бы лишь к искажению сказки. Таким образом, перед нами натуралистически воспроизведенные эпизоды из жизни сказки той поры, которые нуждаются в отборе и обобщении. Заслугой же Н. Е. Ончукова следует признать то, что изданный им материал не исключает этого отбора и обобщения, так как предстает перед современным исследователем не искаженным ни народнической, ни какой-либо иной явной тенденцией. Всем известно, что внешнее отсутствие тенденции всегда прикрывает совершенно определенную тенденцию. Однако характеристика ее, то есть характеристика общественной позиции Ончукова, — задача особого плана, не имеющая прямого отношения к теме настоящей статьи.

Сборник Н. Е. Ончукова включает в себя записи севернорусских сказок, производившиеся с 1884 по 1907 гг., то есть на протяжении 23 лет. Сказка, как и всякий другой жанр, пережила в эти годы известную эволюцию. Однако изучать эту эволюцию в пределах одного сборника Н. Е. Ончукова не представляется возможным, так как собирателями «Северных сказок» не производились ни повторные записи текстов в одной местности, ни повторные записи текстов от одного и того же сказочника, ни записи текстов от тех сказочников, которые унаследовали или могли унаследовать сказку, известную по наиболее ранним записям, вошедшим в сборник.

¹ Вне этого распределения оказались все тексты, записанные А. А. Шахматовым, Д. Георгиевским, и тексты, заимствованные из архива Р. Г. О.

² Несколько сложнее обстоит дело с записями М. М. Пришвина, допускавшего некоторую обработку текстов.

С другой стороны, сборник не дает и полного представления о бытовании сказки в какой-нибудь одной местности, так как ни один из собирателей не ставил своей задачей исчерпать сказку данной местности. Следовательно, судить о движении репертуара или изучать сказку какого-либо района записи в полной мере тоже не оказывается возможным. Если Ончуков-издатель печатал все подряд, то Ончуков-сборитель, так же как и другие собиратели, участвовавшие в сборнике, записывал **на выбор**, и поэтому тенденция собирателя не могла не сказаться на составе сборника¹. Положение несколько облегчается, правда, тем, что собирателей было много, у них не было единой точки зрения, и в известной мере они дополняли друг друга.

Итак, материал, который мы находим в сборнике, эпизодичен во всех отношениях, и мы не можем быть до конца уверены в типичности отдельных эпизодов. Однако неверно было бы в связи с этим прийти к выводу о невозможности научного изучения сказок, изданных Н. Е. Ончуковым. В сущности в таком же положении находится каждый сборник, изданный в дооктябрьское время, с той разницей, что в большинстве из них сказка представлена еще более эпизодично и дает к тому же материал, явно искаженный тенденцией издателя или вмешательством цензуры. В сборнике же Ончукова, как уже говорилось, мы встречаемся с более или менее натуральными эпизодами, полезными для изучения русской сказки пореформенной поры. Думается, что помимо всего прочего именно натуралистичность сборника Н. Е. Ончукова и привлекла внимание В. И. Ленина, подобно тому как натуральные, эмпирические, но вместе с тем подлинные данные земской статистики он предпочитал тенденциозным обобщениям народников или так называемых «легальных марксистов» (см. «Развитие капитализма в России»). Именно поэтому В. И. Ленин и говорил о том, что в сборнике Ончукова заключено «подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни». Таким образом, нам кажется не случайным указание В. И. Ленина на необходимость «все это обобщить, все это просматривать под социально-политическим углом зрения», то есть в свете развития классовой борьбы в России, в свете эволюции крестьянского мировоззрения в «пореформенный и предреволюционный период», в свете роли крестьянства в русской революции².

* * *

В воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича есть одна характерная черта, на которую нельзя не обратить внимания. В. И. Ленина живо интересовали сказки и не удовлетворили те исследования фольклористов, с которыми он одновременно познакомился («не хватает, очевидно, рук или желания» и т. д.). По-видимому, В. И. Ленин имел в виду вступительные

¹ См., например, характерное признание самого Н. Е. Ончукова: «Могу сказать больше: я намеренно игнорировал там очень распространенные на Печоре сказки, изданные Афанасьевым под названием «Заветных». Между тем сказок этих на Печоре, как и вообще на Севере, немало». (XIX).

² Указание В. И. Ленина вне всякого сомнения относится и к другим сборникам, просмотренным им одновременно с «Северными сказками». См., например, признание В. М. Добровольского в предисловии к 1 вып. «Смоленского этнографического сборника»: «Сборитель был совершенно чужд стремления делать научные выводы и обобщения, хотя некоторые научные соображения руководили им, по необходимости, при группировке довольно значительного материала, главная же забота собирателя заключалась в том, чтобы собрать возможно большее число разнообразных этнографических фактов» («Смоленский этнограф. сб.». Вып. 1. Спб., 1891, вводная заметка).

статьи к сборникам Н. Е. Ончукова, В. Н. Добровольского и другим, которые он просматривал. И действительно, вступительная статья Н. Е. Ончукова «Сказки и сказочники на Севере», несмотря на чрезвычайно интересные материалы, в ней содержащиеся, по основной своей направленности явно не могла удовлетворить В. И. Ленина.

Так, например, Н. Е. Ончуков довольно подробно характеризует отличие печорской сказки от олонецкой и той и другой от поморской. Характеристика эта достаточно известна, она неизменно повторяется в учебниках и общих статьях о сказке. Отметим однако, что характеристика различий строится на чисто внешних моментах (для олонецкой сказки характерно частое упоминание Петербурга, так как Олонецкая губерния близка к нему; для поморской — моря, для печорской — моря и Печоры и для всех них — леса, озера, моря и т. д.). Даже резко антицаристские мотивы, встретившиеся Ончукову в устьцилемской сказке и явно нуждавшиеся в историческом объяснении (в объяснении «под социально-политическим углом зрения»), истолковываются в этом же плане: «То, что Устьцилемская волость населена потомками вольнолюбивых новгородцев, не могло не отразиться в совершенно свободном взгляде на царя, где нет и тени низкопоклонства и лести, что может быть сказалось бы в сказках пустозеров, потомков московских служилых людей» (XXIV). Нельзя не заметить крайней парадоксальности этого объяснения: и в Олонецкой губернии, и на Поморье, да и в других местах Архангельской губернии можно было найти немало «потомков вольнолюбивых новгородцев», и их отношение к царю в предреволюционные десятилетия объясняется вовсе не древненовгородским наследием. Кроме того, сказки пустозеров, как Ончуков сам признает, были совершенно неизвестны ему и явно не было оснований для подобных предположений. Заметим, кстати, что, например, предания об Аввакуме (сосланном в XVII в. в Пустозерск), записанные в советское время В. И. Малышевым, вовсе не подтверждают предположения Н. Е. Ончукова.

Однако дело не в частном промахе Ончукова — он и не искал в сказке образного выражения народного мировоззрения и психологии современного ему крестьянства; поэтому напрасно называют его некоторые исследователи в числе продолжателей идей Добролюбова в области собирания и изучения русского фольклора. Для Ончукова характерна другая исходная позиция, общая для всех течений буржуазной позитивистской фольклористики конца XIX — начала XX вв. — быт (а не бытие!) определяет сознание, быт определяет творчество. Приводя интересные примеры отражения быта крестьян русского Севера в сказке (в частности, быта женщин в сказках, рассказываемых ими), Ончуков приходит к выводу: «...рассказывая *всякую* сказку, женщина *невольно* отражает в ней то, что ее интересует, все, что касается быта ее жизни» (XXXVI)¹. Вступительная статья свидетельствует о том, что для Ончукова сказка, действительно, может быть «всякой», то есть идеи, заключенные в ней, совершенно не важны и не интересны исследователю, так как они представляются просто традиционными. Вместе с тем эти традиционные идеи могут быть восприняты исполнителями в меру их бытовых возможностей — отсюда «невольное проникновение в сказку черт крестьянского быта». И действительно, сказка как цельный художественный организм не изучается Ончуковым, его интересует лишь это «проникновение в сказку черт крестьянского быта». В этом же плане понимается им и «личность» сказочника, которая будто бы проявляется преимущественно в отдельных деталях и в темпераменте исполнителя,

¹ Курсив наш. — К. Ч.

определяющем отбор репертуара и манеру исполнения. Следовательно, о мировоззрении, выраженном в сказке, снова ничего не говорится. Более того, вслед за В. Ф. Миллером (см. «Очерки». Т. I) сказочники изображаются Н. Е. Ончуковым не выразителями общественных и эстетических идей, типичных для русского крестьянства определенного периода, а людьми исключительными — «умственной аристократией деревни» (XVIII).

Позитивизм привел Ончукова не только к антиисторическому пониманию идеологии, заключенной в сказке, и не менее антиисторическому пониманию проблемы личности сказочника, но и к ошибочному толкованию самой специфики отражения действительности в сказке. Анализ предисловия показывает, что основную ценность сказки Ончуков видел в прямом отражении в ней крестьянского быта. Волшебное, фантастическое оказывалось при этом случайным и досадным привнесением. Так, например, показывая, насколько отразилась в сказке жизнь крестьянской женщины той поры, он пишет: «Откинув из женских сказок элемент волшебного, чудесного, вообще сказочного, и взяв только черты отраженного в сказках, рассказанных женщинами, быта, получим следующее...» (XXXVII). Или на той же странице: «Если отбросить элемент невероятного в конце сказки, картина получится очень реальная». При этом Ончуков совершенно не замечает полную невозможность (даже в интересах научного анализа) изымать из сказки это «вообще сказочное», не превратив ее в нечто прямо противоположное — в этнографический очерк, бытовой рассказ и т. д. Отсюда, кстати, становится понятным, почему Ончуков считал возможным объединять в одном сборнике, в одном предисловии, под одной нумерацией и волшебные сказки, и бытовые рассказы, и легенды, и предания, и бывальщины. Для него это был материал однородный, совершенно одинаково отражающий быт крестьянства.

Анализ сказки подобным методом не мог не привести к существенным противоречиям. Показывая, как обрисовываются в публикуемых им текстах отдельные моменты жизни крестьянки русского Севера, Ончуков не мог пройти мимо одного важного обстоятельства — в сказках сватовство, свадьба, замужество имеют преимущественно счастливый исход, что в действительности приходилось наблюдать крайне редко. Для объяснения этого факта Ончукову пришлось отступить от заранее избранной позиции. «Но не всегда, конечно, — пишет он, — свадьба и жизнь замужем проходят так гладко, как в чудесных сказках, с особенно большим удовольствием рассказываемых сказочницами, так сказать, отводящими в них свою душу» (XXXVIII). Однако и это справедливое замечание воспринимается в контексте статьи как оговорка, тем более, что в следующем же абзаце чудесное в сказке объясняется вовсе не потребностью «отвести свою душу», а простым сказочным шаблоном, царящим над традицией и над волей исполнителей. Согласно этому шаблону, говорит далее Ончуков, «порок и зло наказываются, а добродетель и долготерпение вознаграждаются хорошей жизнью и счастьем» (XXXIX). Идеологический смысл этого «шаблона», причины его возникновения и устойчивости не привлекают внимания составителя сборника «Северные сказки».

Совершенно естественно, что такое понимание сказки не могло удовлетворить В. И. Ленина. В противоположность Ончукову он говорит не об отражении быта, а о «чаяниях и ожиданиях народных» и о «народной психологии», выраженной в сказке, то есть в понимании В. И. Ленина сказка — не прямой слепок с крестьянского быта, не этнографический очерк, а выражение народных стремлений и идеалов в сказочно-фантастических образах. Сказочная фантастика понимается В. И. Лениным

как художественное средство выражения «чаяний и ожиданий» народа. Характер же самой фантастики, ее форма, по-видимому, определяется «народной психологией», то есть кругом поэтических представлений и образов, свойственных народу на данной стадии его общественно-политического и эстетического развития.

Разумеется, что эти стремления и идеалы в понимании В. И. Ленина не оторваны от действительности, а закономерно вырастают на ее почве как результат несоответствия желаемого и действительного. Нельзя не обратить внимания на то, что в том же марте 1918 г., буквально в те же дни, когда происходила беседа с В. Д. Бонч-Бруевичем, в известном докладе на VII съезде РКП(б) «О войне и мире» Ленин, отвечая противникам «теории передышки», говорил: «Да, мы увидим международную революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла»¹. И далее: «Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией, потому что она наступит. Все придет в свое время, а теперь боритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции»².

В «Докладе о войне и мире» В. И. Ленин, разумеется, не говорил специально о сказке; это был отнюдь не фольклористический доклад. Однако в настоящей статье нас интересует не характер политической ошибки противников «теории передышки», а попутно высказанная Лениным мысль о соотношении фантастики и правдоподобия, желаемого и действительного в сказке.

На наш взгляд, приведенный отрывок убедительно свидетельствует о точности воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Основная мысль В. И. Ленина в этой части «Доклада о войне и мире» заключалась в утверждении недопустимости принимать желаемое за действительное, строить политику государства в ответственный для революции момент, исходя из желаемого. Желаемое, но в настоящих условиях неосуществимое Ленин называет сказкой и вместе с тем тут же подчеркивает, что, разумеется, в каждой сказке есть элементы действительности, однако это не сама действительность. Сказка вырастает на почве действительности и отражает эту действительность не прямо, а в форме желаемого, и это желаемое выражается в фантастических образах (так, в примере В. И. Ленина, петух и кошка разговаривают на человеческом языке). Из приведенного отрывка ясно, что в понимании В. И. Ленина фантастика сказки является художественным средством преодоления реальных жизненных препятствий на пути к осуществлению идеала. Следовательно, и здесь В. И. Ленин исходил из понимания сказки как выражения «чаяний и ожиданий народных» (желаемого) в сказочно-фантасти-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 79.

² Там же, стр. 82.

ческих образах¹. Итак, ценность сказки, с точки зрения Ленина, измеряется не внешним правдоподобием, а художественно цельным выражением желаемого — стремлений и идеалов народа, которые исследователь должен обобщить под социально-политическим углом зрения, то есть в свете истории классовой борьбы в России, поскольку в самой сказке они выступают в типичных, но частных, отдельных проявлениях.

Таким образом, с нашей точки зрения, неудовлетворение, которое В. И. Ленин испытал при чтении предисловия к сборнику Н. Е. Ончукова, было вполне закономерным, так как ленинское понимание, с одной стороны, природы и назначения сказки и, с другой стороны, задач и методов ее изучения коренным образом расходилось с пониманием всех этих вопросов составителем сборника «Северные сказки».

* * *

И, наконец, обратимся ко второму вопросу, возникающему в связи с отзывом Ленина о сборнике Н. Е. Ончукова, — чем же могли заинтересовать В. И. Ленина тексты, опубликованные в сборнике, и что они дают для изучения «чаяний и ожиданий народных» предреволюционных десятилетий?

Уже говорилось о том, что сборник Н. Е. Ончукова включает в себе записи севернорусских сказок, производившиеся с 1884 г. по 1907 г., то есть на протяжении почти четверти столетия. Этот период, как известно, был одним из наиболее бурных в русской истории. Пореформенное развитие капитализма повлекло за собой разложение крестьянства, которое сопровождалось, с одной стороны, массовым обнищанием и быстрым ростом батрачества, земледельческого и неземледельческого отхода и, с другой стороны, выделением кулацкой верхушки. Рост промышленности и концентрация ее привели к формированию пролетариата как класса. Пролетариат создал свою партию и возглавил революционную борьбу русского народа с помещиками и капиталистами. Революция 1905—1907 гг. показала, что близок не только день падения царизма, но и день окончательного освобождения народа от многовековой эксплуатации.

Естественно, что сказка в силу своей жанровой ограниченности не только не могла изобразить все эти события, но и охватить все стороны мировоззрения русского трудового народа той поры. Вместе с тем исполнители сказки, разумеется, не были ограничены рамками одного жанра. Они знали и исполняли и песни, и частушки, и былины, и пословицы и т. д. и т. п. В деревню все более и более проникала рабочая революционная песня и рабочий устный рассказ, сыгравшие огромную роль в революционизировании сознания русского крестьянства предоктябрьских десятилетий. Сказка не конкурировала, да и не могла конкурировать с этими жанрами и, с другой стороны, ей вовсе и не предстояло превратиться в революционную песню. У нее были свои задачи и свой

¹ Ср. чрезвычайно близкое решение этого вопроса у А. М. Горького: «Нет фантазии, в основе которой не лежала бы реальность. Сущее и желаемое: зверь сильнее человека — человеку нужно быть сильнее зверя. Крупные звери не могут поймать птицу в воздухе, отсюда желание летать, быстро подвигаться по земле, — «сапоги скороходы», «ковер-самолет» и т. д. Фантазия первобытного человека как выражение желаемого им, представление о возможности для него. Скелеты птерозавров и летающий ящур — «дракон воланс» как прототип Змея Горыныча. Сказка как и прототип гипотезы». (См. А. М. Горький. О темах. «О литературе». Статьи и речи. 1928—1936 гг., М., 1937, стр. 192).

художественный метод. Она оставалась прежде всего занимательным повествованием о достижении справедливости волшебными средствами в фантастическом «тридевятом государстве». Русская действительность конца XIX — начала XX в. отражалась прежде всего в самом составе этих крестьянских представлений о справедливости, на почве которых вырастала и развивалась как волшебная, так и новеллистическая (бытовая) сказка с той разницей, что в волшебных сказках рассказывалось о якобы существовавшем когда-то¹ «ином царстве», в котором справедливость действовала «закономерно» и победоносно, а в новеллистических — о необыкновенных случаях, о желаемом отклонении от закономерностей современной или недавней социальной действительности. Эти представления о справедливости и несправедливости, добре и зле и т. д. не могли развиваться и не развивались сами по себе, они всегда были естественным обобщением социального опыта трудового народа, были конечным выражением его мировоззрения в исторически определенный период. Вместе с тем представления о справедливости и несправедливости не возникают в каждую эпоху совершенно заново — в них сложно и своеобразно переплетается новое и традиционное, воспринятое от предыдущих поколений и сохранившее свою жизненную убедительность, и возникшее вновь в новых социальных условиях. Следует подчеркнуть, что речь идет не о реликтах, не о пережиточных моментах в мировоззрении, приходящих в противоречие с социальным опытом данного поколения, а об обычной структуре человеческого мышления, в котором накопленное и сохраненное всегда сочетается с новым и развивающимся.

В связи с этим должен решаться и вопрос о методе анализа сборника сказки, охватывающего два с половиной десятилетия, исполненные бурных событий. Было бы неверно сравнивать каждую запись со всеми имеющимися (или предшествующими по времени) записями сказок, которые можно подогнать под тот же либо близкий номер «Указателя сказочных сюжетов» Аарне-Андреева для выявления всех расхождений в деталях и для выделения чего-то такого, чего абсолютно нет в других вариантах. Неверно — потому что мировоззрению исполнителя соответствует вся сказка в целом, а не только эти отысканные фольклористом детали. Разумеется, и новые детали могут и даже должны быть выявлены, но они имеют смысл не сами по себе, а на фоне цельного толкования общих особенностей сказок и в связи с общей идеей каждой сказки, то есть как проявление какой-то закономерности.

Посюжетное сравнение таит в себе еще и другую опасность. Сказка исполняется далеко не только сказителями, каждый раз творчески переосмысляющими подвластный им материал. Сказителей-исполнителей значительно больше, чем сказителей-творцов. Поэтому напрасно было бы пытаться расставлять имеющиеся записи в один ряд в той же последовательности, в какой происходила запись. Видимая последовательность легко может оказаться ложной. В один и тот же год и в одной и той же деревне, при полном совпадении мировоззрения исполнителей могли быть записаны варианты одного и того же сюжета, отражающие совершенно различное сочетание традиционного и нового. Теоретически можно представить себе такой случай, когда один из вариантов будет принадлежать исполнителю, который сохранил текст сказки на протяжении полустолетия, не внося в него существенных изменений, а другой — исполнителю-творцу, активно переосмыслившему текст.

¹ Ср. характерный для волшебной сказки *Plusquamperfect* — «жил-был».

Итак, следует попытаться выявить нечто общее, возникающее из цельного изучения сказок сборника. В чем же заключается это общее для сказок сборника Н. Е. Ончукова?

Сборник Н. Е. Ончукова при первом же знакомстве с ним поражает двумя отличительными чертами — явным преобладанием новеллистической сказки над волшебной и изобилием сатирических сказок с острым социальным содержанием. Вторая черта несомненно свидетельствует об обостренном социальном сознании сказочников, с которыми приходилось встречаться Ончукову и его корреспондентам. Что же касается преобладания новеллистических (бытовых) сказок, то и это явление кажется нам в целом характерным для развития русской сказки в пореформенное время¹. Так или иначе, сборник Ончукова — это прежде всего сборник новеллистических сказок, то есть сказок, которые отличаются определенностью социального облика героя. В центре подавляющего большинства из них стоит фигура **бедного, разорившегося крестьянина или крестьянина-батрака**, испытывающего жестокие затруднения, но в конце концов преодолевающего их².

Разоряющийся крестьянин или батрак — положительный герой — разумеется, не представляет собой исключительную принадлежность сборника Н. Е. Ончукова. Образ батрака-героя известен еще по сборнику Афанасьева и встречается во многих других сборниках. Однако ни в одном из них фигура героя-батрака или крестьянина, уходящего на заработки (по олонечкой терминологии — «бурлака»), не стоит столь явно в центре сказочных сюжетов³. Это несомненно объясняется тем, что в Олонечкой и Архангельской губерниях развитие капитализма способствовало в первую очередь колоссальному росту неземледельческого отхода. Процесс «раскрестьянивания», о котором писал В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России»⁴, совершался здесь в бурных темпах и сочетался с ломкой чрезвычайно устойчивых на русском Севере старых патриархальных внутриобщинных отношений. В сборнике Н. Е. Ончукова этот процесс «раскрестьянивания» отразился необычайно ярко. Вопреки утверждению составителя, он сказался не только в отдельных деталях и эпизодах, но и оказал воздействие на сам сюжет сказки в его основных компонентах, — зачин, завязку, развитие повествования и развязку, — на образ основного героя и его противников, то есть оказал значительное воздействие и на содержание и на форму сказки, записанной Ончуковым и его корреспондентами.

¹ Впрочем, не исключено, что и здесь в какой-то мере сказалась определенная направленность работы Ончукова-сборителя, тем более, что в некоторых сборниках, изданных значительно позже (напр. «Сказки Карельского Беломорья»), волшебная сказка занимает все же сравнительно большее место, чем у Ончукова, хотя и здесь она явно потеснена новеллистической сказкой.

² См. аналогичное наблюдение В. М. Сидельникова над сказками из сб. В. Н. Добровольского. См. «Народное поэтическое творчество Смоленской области». Из Смоленского этнографического сборника В. Н. Добровольского. Под редакцией проф. В. М. Сидельникова. Смоленск, 1954, стр. 11.

³ Так, например, в сб. Афанасьева в I и II томах, заключающих в себе примерно равное количество текстов со сборником Н. Е. Ончукова, нам встретилось всего 7 текстов, в которых идет речь о батраках или об уходе на заработки (№№ 118, 150, 167, 189, 192, 197, 217 и 218), в III томе на 222 номера всего 3 текста (№№ 322, 334, 346).

⁴ «Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то, что мы называем разложением крестьянства. Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином «раскрестьянивание». Этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения» (В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 141).

Приведем некоторые примеры зачинов-завязок, характерных для сборника «Северные сказки»:

№ 118 «Демьян и Кузьма» (зап. в с. Кондопоге от С. Ю. Тароевой): «Жыу-быу молод Демьян и Кузьма. Кузьма жыу у Демьяна работником, служил ён ему тридцать лет за тридцать серебреников».

№ 123 «Чертов работник»: «Досюль жыу молодец в бедности и пошоу место искать...»¹

№ 164 «Колпак золота»: «Жил-был мужик, все по чужим людям в работниках жил; пришел однажды к барину...»²

№ 193 «Чудные имена»: «Жила старуха с сыном. Пожили с сыном да и стало им трудно прокармливать. «Ну, поедем кормиться, говорит, в большое место...»

№ 205 «Бабы заповеди»: «Жил бедный мужик и так ему плохо пришлось, что уж и кормиться нечем. Отправился ён куда-нибудь денег наживать. Идет дорогой, стало ему горько, он и подумал: «Хоть бы черт денег мне дал! Я бы лучше ему душу продал, чтобы ребят кормить...»³

№ 222 «Ворожея»: «Год был плохой, хлеб не родился и работ никаких не было. Совсем плохо стало одному человеку: семейство большое, кормиться нечем. Написал он вывеску: «Ворожея», — и прибил к воротам...»

№ 225 «Чертова благодарность»: «Жила-была старуха, был у ней сын Андрей. Андрей стал говорить: «Чего же я, мама, живу и выживу, надо мне какой ни на есть промысел искать».

№ 226 «В работниках у лесного»: «Набивается мужик в строк (т. е. в сезонные батраки — К. Ч.), и никто его не берет. Говорит мужик: «Хоть бы меня лесной взял...»

№ 242 «Филосóf и камень»: «Жил-был бедный мужик, в вечерях повалился, поужинал, а в утрях и поесть нечего, станет и семья голодна...»

№ 258 «Заечей пастух»: «Был барин, у барина было три дочери; приходит к нему мужик и просит милостыню. «Экой молодой, а просишь, работал бы». — «А что ж, я буду работать».

№ 268 «Елизар Елизарович»: «Был некто Елизар Елизарович, был круглый сирота, ни отца, ни матери и состояния не было, совсем голыш. Задумал женитча...»

Мы привели на выбор несколько зачинов-завязок из разных сказок с различными сюжетами. Нельзя не заметить то общее, что в них содержится. Исходная ситуация этих сказок и вообще большинства сказок в сборнике Ончукова — предельная бедность героя, катастрофическое состояние, заставляющее его действовать, причем, это действие, направленное на предотвращение катастрофы, и составляет основное содержание сюжета (см., например, № 172 «Иван Рогуэн»: «Продают они последнюю корову и дают ему в Питер ехать денег на дорогу» или № 116 «Иван Царевич и Марья Королевна»: «И ён взял тыу котомоцьку и пошоу куды голова несет»).

Герой не может больше оставаться в этом состоянии («нечем кормиться») ⁴, он уходит из дому на поиски счастья, нанимается в батраки или пускается на всевозможные ухищрения (например, объявляет себя

¹ Ср. Садовников, № 123; Сб. Кавказ XII. Отд. 1, стр. 123 ск.

² Ср. Афанасьев, № 152: «В некотором селе жил-был богатый мужик с женою. Вот раз пошла она в лес за груздями, заплуталась и забрела в медвежью берлогу...»

³ Ср. «Известия ОРЯС», XII. Вып. 3, стр. 340.

⁴ См., например, № 65: «Голос» говорит герою: «Не паши, дядя, тебе от пашни не кормиться» после размышлений о том, что крестьянствование не обеспечивает его семьи.

ворожеей, отгадчиком и т. п.), он готов даже продаться черту, лишь бы как-нибудь прокормить себя и своих детей. В отчаянии он готов пойти даже в солдаты, что, по его представлению (вполне совпадающему с представлением исполнителя), граничит с самоубийством: «Досюль бы у вдовы Иванушка бесщасный сын, и нихто его не возмет в работники, ни в пастухи, никуды. Пришоу ён х царю в солдаты даваться. Царь скаже: «Што же ты в солдаты даваешься. Столько служу, этакого охотника не выдау» — «Я, говорит, как бесщасный есь» (№ 91)¹.

Таким образом, исходное состояние героя, как правило, определяется не его стремлением преодолеть какой-либо запрет, выполнить поручение отца, освободить красавицу, похищенную чудовищем, испытать свою силу в схватке с иноземным богатырем и т. д. (что было в основном характерно для старой волшебной сказки) или наказать барина, или попа-обидчика (что было характерно для старой бытовой сказки). В сборнике Ончукова оно определяется невозможностью жить по-старому, то есть сказочной ситуацией, которая прямо отразила растущее обнищание и «раскрестьянивание» крестьян, прямо отразила мировоззрение крестьян предреволюционных десятилетий. Исходное состояние героя — его ужасающее обнищание («И назвали его Иван Голый, двор полой, скота не было, и запирать нечего» — № 255) — вместе с тем и составляет ту основную несправедливость, которая и должна быть преодолена в ходе повествования всеми средствами сказки — необычайными качествами героя, волшебными силами, приходящими ему на помощь и т. д. Кстати говоря, дальнейшее развитие сюжета позволяет герою обнаружить свои положительные качества — тем самым несправедливость его бедственного положения подчеркивается еще резче.

Однако сказка вовсе не направлена на всестороннее изображение бедственного положения крестьянства. Желаемое («чаяния и ожидания»), лежащее в основе большинства сказок в сборнике Ончукова, состоит в преодолении этой общей беды крестьянства.

Все это вовсе не значит, разумеется, что сюжеты сказок интересующего нас сборника были заново созданы сказочниками, представленными в нем, или их ближайшими предшественниками. Подавляющее большинство сюжетов известно и по другим сборникам — недаром многие тексты сборника обозначены под соответствующими номерами указателя Аарне-Андреева, и еще Г. Поливка в рецензии на «Северные сказки» («Archiv für slavische Philologie». Т. 31, 1909, стр. 259—286) указал на многие параллели к сюжетам сказок, изданных Ончуковым. Однако эти сюжеты в большинстве своем в той или иной мере переосмыслены, то есть приспособлены, использованы для выражения мировоззрения, «чаяний и ожиданий» русских крестьян пореформенной эпохи, приведены в соответствие с их мировоззрением². Разорившийся крестьянин или батрак переживал, как правило, приключения, весьма сходные с теми, которые доставались на долю его предшественника, ему помогала все та же традиционная волшебная сила, чудесные помощники, благодарные звери, предки-покровители и т. д., однако смысл сказки становился по существу иным, потому что речь шла не только о сказочном герое вообще, а по-сказочному истолкованном, но типичном образе русского крестьянина предреволюционных десятилетий — обнищавшем и разорившемся, бродящем по Руси в поисках заработка и счастья, помочь которому могут

¹ См. аналогичный мотив в сказке «Солдат-доброволец» (№ 156): сын решил идти в солдаты: отец отвечает ему: «Ах, дитятко, плохо ты надумал, да теперь дела не изменить. Верно, богу так угодно».

² Большую роль играл, кроме того, сам отбор сюжетов.

только исключительная находчивость, счастливый случай или волшебная сила.

Вполне естественно, что сюжеты новеллистических (бытовых) сказок могли при этом использоваться значительно активнее, чем традиционные сюжеты волшебных сказок. Вместе с тем сюжеты ряда волшебных сказок перерабатываются в плане сближения с бытовыми сказками. Так, например, заметно стремление заменить героев-царевичей героями-мужиками. Особенно любопытна в этом отношении сказка № 68, в которой Иван Запечин к концу сказки оказывается Иваном Еруслановичем, или № 154 «Елена Прекрасная и мачеха» с обычным сюжетом типа «Спящей красавицы», но с зачином: «В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был простой мужик. Жена у него была из той же деревни, откуда и он сам». В сказке № 176 «Горбуша» падчерица, изгнанная мачехой, нанимается в батрачки, то есть обычная сказка с «невинно гонимой» превращается в сказку о девушке-батрачке. И совсем уж необычна сказка № 88 «Иван царевич и серый волк», которая начинается: «Досюль быу мужик да баба. Быу у них сын одинокий». В дальнейшем этот сын мужика и бабы называется то Иваном царевичем, то «мужиком-Иваном царевичем» (стр. 237). Его отец — «мужик» — в конце сказки, когда Иван, после выполнения трудных поручений, возвращается домой, неожиданно называется царем. Одним словом, чувствуется по всему, что исполнителю было известно два варианта одной и той же сказки — с героем-мужиком и героем-Иваном царевичем, которые он смешал во время исполнения для записи.

В ряде сказок герой, одерживающий победу, вопреки традиции не превращается ни в царя, ни в царевича, не приживается в царском дворце и охотно возвращается в свою деревню (см. № 58 и др.). В сказке № 60 «Посуленьи царю-самоедину» «думны сенаторы» гнушаются мужика-царевича. «Стали они мутиться, — говорится в сказке, — а жена и говорит: «Уйдем прочь в твою деревню». «Коня да лошадь, да телегу взяли, да уехали». В подобных случаях особенно ясно ощущается, что исполнители сказок не столько желают герою проникновения в царский дворец и дальнейшей жизни в нем, сколько ценят его способность вырваться из бедственного положения, преодолеть все препятствия и достичь самого высокого общественного положения.

Мы уже говорили о том, что для северных губерний, особенно Олонецкой губернии, были чрезвычайно характерны неземледельческие формы отхода, причем для Олонецкой губернии был особенно типичен уход на заработки в Петербург, ставший к концу XIX в. крупнейшим промышленным центром страны. Ончуков совершенно справедливо отмечал хорошее знание сказочниками топографии Петербурга и его окрестностей. В опубликованных им сказках не просто упоминается Петербург, а называются его улицы («Невский проспект», «Миллионная улица» и т. д.), реки («Нева», «Фонталка» и т. д.), пригороды («Царское Село» и др.) и т. д.¹ Однако и здесь следовало бы говорить не просто о «проникновении деталей», а о характерных сторонах сознания олонецких крестьян, поскольку названия петербургских улиц, рек, пригородов и т. д. не приводятся между прочим, а для обозначения места действия или, вернее, **сферы** действия сказочного героя².

Не менее примечательны основные образы отрицательных персонажей — богатого мужика, купца, попа, царя. Все эти образы известны

¹ См. стр. XXV.

² Иногда Петербург называется в сказке как цель путешествия героя, ищущего заработок. Ср. сказку № 218 «Настасья прекрасная и Егбиха», в которой рассказывается о столкновении с Егбихой (Бабой Ягой) по пути в Петербург.

и по более ранним сборникам. Однако для сборника Ончукова характерно, что эти фигуры в большинстве случаев рисуются сатирически, что в число важнейших отрицательных персонажей теперь входит богатый мужик-кулак, нанимающий батрака и притесняющий его. Нередко и другие отрицательные персонажи выступают в той же роли работодателей.

Автор краткой заметки об Ончукове в первом издании Большой Советской Энциклопедии безусловно неправ, утверждая, что в сборнике «Северные сказки» «особенно много сюжетов с сатирой на попов и помещиков»¹. Фигура помещика, вовсе не типичная для Олонецкой и Архангельской губерний, в основном не знавших частновладельческой формы крепостного права, почти не встречается и в сборнике Ончукова. «Барин», фигурирующий в некоторых сказках, вовсе не помещик-крепостник, а барин-работодатель, барин, нанимающий батрака, слугу и т. д. Так, например, в сказке № 162 «Колпак золота» рассказывается о батраке, который нанялся к барину и старался делать не то, что барин прикажет, а что «на ум взбредет». Ловкое выполнение заданий барина и обман черта внезапно обогащает батрака. «Снес мужик сети барину и отказался от работы, купил четырех лошадей и на них увез четыре воза золота и стал жить да поживать». Батрак в этой сказке находится в экономической, а не крепостной зависимости, и победа его означает прежде всего освобождение от этой зависимости.

Наиболее характерен для сказок из сборника Ончукова другой противник батрака — богатый мужик, его нанимающий, иногда богатый брат батрака. В качестве примера приведем сказку № 118 «Демьян и Кузьма». В ней рассказывается о том, как несчастный батрак, служивший у богатого мужика, был вознагражден, а скупой богатый хозяин наказан. Сказка кончается тем, что напуганный видением ада хозяин делает последнюю попытку обмануть батрака. «Кузьма, — говорит он, — променяй своё житьё тосветно на сесветно со мной, у меня ведь всякой всячины много». Кузьма согласился, прожил всю его «всячину», а потом исчез. «И живи хоть хорошо, хоть худо» — торжествующе заключает исполнитель (С. Ю. Тараева).

Задолго до чтения сборника Н. Е. Ончукова, в 1894 г., В. И. Ленин писал о деревенских эксплуататорах, подобных Демьяну из цитированной выше сказки: «Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабёж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне»².

Значительное количество сказок с сюжетами, подобными приведенным выше, заканчивается не просто осмеянием или наказанием противника, а именно ликвидацией зависимости от него и ему подобных, обретением героем экономической самостоятельности. Если этот мотив и не возник в пореформенное время, все же нельзя не признать характерной его относительную распространенность в период капитализма в России, так как он явно должен был соответствовать крестьянским «чаяниям и ожиданиям» этого периода, мог служить поэтическим выражением той «надежды на избавление» от эксплуататоров, о которой говорил В. И. Ленин.

¹ См., например, № 158, 159 и др.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 217—218. (Подчеркнуто мною.— К. Ч.).

Таким образом, «желаемое», выраженное в сказках сборника Ончукова, прежде всего и составляет из страстного стремления ликвидировать бедственное состояние, ведущее к массовому «раскрестьяниванию», и, с другой стороны, из стремления покончить с зависимостью от кулаков, купцов, бар и попов-работодателей, тем самым обрести экономическую независимость и самостоятельность. Таковы основные координаты, на которых располагаются идеи и мотивы сказок, развиваются и используются сюжеты и образы важнейших персонажей севернорусской сказки того периода, который оказался зафиксированным сборником Н. Е. Ончукова.

* * *

Разумеется, что сказанным далеко не исчерпываются особенности сборника.

Мы уже говорили о том, что для сборника Н. Е. Ончукова характерно обилие сатирических сказок. По-видимому, это связано с тем, что сатирический метод изображения отрицательных персонажей получил в конце XIX — начале XX в. заметное распространение в севернорусской сказочной традиции, и исполнители охотно использовали его. Вместе с тем следует помнить, что основным врагом положительного героя в этих же сказках выступает не мифическое чудовище и не заезжий богатырь, а кулак, поп, барин, то есть в социальном отношении персонажи вполне определенные. В совокупности это несомненно свидетельствует об обострении социального сознания исполнителей сказки, отразившем общее нарастание революционных настроений в русском крестьянстве пореформенных десятилетий.

Нельзя не признать характерным, что в сказках сборника Н. Е. Ончукова особенно подчеркивается **корыстолюбие отрицательных персонажей**, их жадность к деньгам, стремление к наживе любой ценой, их утверждение власти денег, убежденность в том, что на деньги можно купить все, даже людей. Так, например, барин в сказке № 148 «Судьбы на коне не объедешь» говорит: «На деньги людей будет и хлеба будет» (353). Жестокий и жадный барин в другой сказке (№ 111) крадет у гостеприимного мужика чудесный бочонок, дарованный ветром взамен рассыпанной муки¹. Богатые соседи в сказке № 113 не дают бедняку даже огня для того, чтобы затопить печь в «Христовскую ночь», и за это наказываются пожаром. В сказке № 229 золото богача оказывается подаренным ему чертом. В другой сказке корыстолюбивый сын богача рад смерти отца, потому что мечтает владеть отцовскими деньгами — за это он наказывается лишением наследства (№ 159). В сказке № 116 снова рисуется спор из-за наследства — здесь наказываются жадные братья, обидевшие младшего при дележе имущества, оставшегося после отца. В сказке № 61 лакей — любовник матери героя пытается использовать волшебные качества героя для наживы («Мы разбогатеем от него» — стр. 165) и жестоко наказывается за свое корыстолюбие — при помощи той же волшебной силы он превращен в собаку.

В противоположность всему этому положительные герои утверждают: «Деньги дело наживное, слово иногда лучше пригодится» (№ 155)², когда

¹ Примечательная история со вторым бочонком, который «одёжу дает». Мужик сам отдает его барину со словами: «Я человек низкий, если одену ту одёжу, скажут: «ты украл», а вы люди богатые, так никто не скажет, что украли» (стр. 274).

² См. также сказки типа № 315 «Замахнись, да не ударь» и др., в которых утверждается ценность доброго слова, доброго совета.

им предлагается на выбор три дорожки, они подчеркнуто отвергают возможность быстрой наживы (№ 6, 8 и др.), скромный подарок — волшебный «кальчик» оказывается лучше всяких драгоценностей (№ 12) и т. д. Характерной сказочной формой осуждения корыстолюбия богачей и несправедливого распределения жизненных благ является и явное сочувствие, с которым рисуются приключения ловких воров, обманывающих царя, попа, барина, «сенаторов», купца и т. д. (№ 43, 59, 92 и т. д.).

Вместе с тем было бы явным преувеличением считать, что сказки воспевают бескорыстие. Двойственная социальная природа крестьянства (труженик и мелкий собственник) постоянно поддерживала в нем идеал обогащения, причем обогащения далеко не только ради освобождения от гнетущей экономической зависимости. Так, например, в сказке № 150 «Медный лоб» герою достается чудесный предмет — «кошелек — сколько угодно отдавай золота, а в кошельке всегда будет» (360). Ради овладения тем же кошельком царь приказывает «выслать царевича из своего царства» (360). Когда же в конце сказки царь просит царевича-победителя самого назначить себе награду, то победитель говорит откровенно: «Я люблю золото, ты золотом и рассчитывайся» (362). Вполне в том же духе и концовка: «Остался он жить во дворце, и царь по просьбе дочери сделал его распорядителем дворца: золота распорядитель не жалел и всех подкупал. Умер царь, и на его место выбрали царем распорядителя, повенчался с царевной и стал править царством, и богаче его не было» (363).

Таким образом, утверждается, что мало быть царем (к чему стремился герой старой волшебной сказки)¹, надо еще быть богатым. Можно назвать и другие сказки, в которых высшей наградой герою оказывается золото (см., например, № 151 «Слуга Егерь» и др.). Нельзя и в этом не увидеть характерной черты крестьянского мировоззрения эпохи капитализма, хотя в то же время вполне возможно, что подобные мотивы могли впервые возникнуть задолго до реформ 60-х гг.

Корыстолюбие, как основное качество отрицательного героя, особенно явно проявляется в образе попа, лицемерно проповедывающего скромность, терпеливость и бескорыстие. В известной сатирической сказке «Поп и Николай-чудотворец» (№ 41) жадный поп разбивает икону Николая-чудотворца, якобы слизавшего сметану, крадет просфорку и сознается в краже только после того, как узнает, что третья доля добычи достанется тому, кто украл просфорку. Антипоповские сказки, сатирически изображающие поповское корыстолюбие, лицемерие, невежество, разврат, были, по-видимому, очень популярны среди населения русского Севера в изучаемый период — по крайней мере они в изобилии представлены в сборнике Ончукова².

Наконец, следует сказать еще об одном сказочном персонаже — царе. Как и в других сборниках, более ранних и более поздних, в сборнике «Северные сказки» проявляется двойственное отношение к царю. С одной стороны, в ряде сказок по-прежнему сохраняется стремление героя-мужика стать царем, или в них действует сказочный Иван-царевич («царь — вольней человек»), либо справедливый царь выступает союзником положительного героя в борьбе с боярами (№ 18 «Царь, старик и боя-

¹ См., например, в № 2 несколько раз повторяющуюся формулу «царь — вольней человек», прекрасно объясняющую суть стремлений героя сказки превратиться в царя (царевича).

² См. №№ 63, 109, 138, 140, 164, 165 и др. См. также № 43 о попе, вообразившем себя богатырем (близко к сюжету «Храбрый портняжка»), и др.

ра»)¹, либо царь сочувственно относится к лихому вору, обманывающему подряд купца, архиерея, бояр и генералов («Ну, думно министерство, я хоть и хитрый царь, а вор хитрее меня» — № 59) и т. д. С другой стороны, как уже говорилось, в сказках начинают встречаться герои, после победы отказывающиеся жить во дворце, либо герои, не скрывающие своего презрения к царю и чрезвычайно вольно с ним обращающиеся («Пришел Данила к заутрены, стал с царем в ряд, харнул, плюнул, чуть не царю в бороду, погледит — царь бороду обтирает» — № 57). Более того, в сказках начинает звучать прямая ненависть к царю и его окружению. Так, например, в сказке № 2 «Царь-чернокнижник» постоянно повторяющаяся фраза «Этому царю что дурно, то и потешно» — звучит общей формулой типа: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». В сказке № 112 «Иван-царевич и старик-медный лоб» царь и царевич рисуются в крайне непривлекательном свете. Оба они травают, как зверя, «старика-медный лоб» и потом ни за что, ни про что сажают его в тюрьму; в сказке № 2 царь, проигравший спор, бесчестно пытается обмануть героя и т. д. Еще резче антицаристские настроения выражены в известной сказке № 7 «Царь и черепан». Герой этой сказки, погоняя кобылу, кричит: «Ах, ты, кобыла, дика, как государь!» Оказавшийся здесь же государь спрашивает: «Что, черепан, разве государь-то у нас-дик?» — «А как государь не дик: у бояр полны погреба денег лежат, да всё их жалует, а у нужного и бедного с зубов кожу дерет да все подать берет». В процитированной тираде черепана примечательно явное осознание социальной природы царской власти. Нельзя не признать закономерной запись этой сказки в 1903—1904 гг., накануне трагических событий 9-го января 1905 г., сыгравших огромную роль в окончательном изживании «царистских» настроений русского крестьянства. Впрочем, для этих настроений характерны не только сказки «Царь и черепан» и «Царь-чернокнижник», но и сама двойственность отношения к царю в сказке с наметившимся переходом его в группу отрицательных персонажей. Отметим еще одну сказку, также, несомненно, отразившую настроение крестьян перед революцией 1905—1907 гг. — № 126 «Купеческий сын и соловья». В этой сказке никчемный купеческий сынок ловит соловья и преподносит его царю в подарок, «...а царь ёго пожаловау ёго чинём, барином выбирает над крестьянами (думчим боярином, над крестьянами, значит, распоряжаться)». Крестьяне не желают покоряться царскому ставленнику. «Ну, идуть дорогой и говорят самы с собою, што «не охвота нам ёму покоряться, надо его сказнить».

Помимо отмеченной уже общей черты отрицательных персонажей — корыстолюбия, в сказках сборника Н. Е. Ончукова им приписывается еще одно общее качество — паразитизм. Это их качество осуждается не менее решительно и не менее решительно подвергается осмеянию и наказанию. Отрицательные персонажи — цари, бары, купцы рисуются подчеркнуто никчемными. В сказке № 57 Данила-царевич, получающий одну трудную задачу за другой, растерянно повторяет: «Я топором работать не умею, а он велит хрустальнѐй мос сработать» или «Какой я мастер, я лодки не умею сработать, а царь приказал караб сделать, штобы ходил не по воды, не по земли, а скрозь игольни уши проходил». В сказке № 126 никчемность купеческого сына обнаруживается уже в завязке:

¹ В этой сказке царь спрашивает старика, который по его совету оббирает бояр («терebит гусей»): «Ну, каково же ты терebил?» — «А сколько мог, терebил, свет великая надежа-государь» — «А плохо терebил, ты бы так терebил, штобы перышки у них ошипал», т. е. устами царя, сочувствующего герою сказки, выражается ненависть к боярам.

«Жиу-быу купец и помер, у купця остауся сын, тот стау возрастать. Стали ребятишка его звать рубить дров, купецкого сына. Он говорит: «Маменька, я пойду дров рубить». Она ему говорит: «Купеческий сын, какой ты дровороб будешь?» В дальнейшем купеческий сын оказывается способным только на то, чтобы поймать соловья и при его помощи получить от царя во владение крестьян, которые должны на него работать¹.

В сказке № 151 царь не в силах придумать достаточно трудное поручение своему слуге-егерю, которого он стремится погубить для того, чтобы вынудить его жену стать своей любовницей. За царя придумывает трудную задачу «голь кабацкая». В сказке № 5 подчеркивается, что невеста царя должна уметь рожать, а не трудиться. В сказке № 161 сказочный лев-царь стыдится того, что отплатил герою добром (подвез его до города) за помощь в борьбе со змеем: «Никому не говори, — требует он от героя, — что на льве ехал... не то съем; я сам царь и на себе возить мне людей стыдно, тогда я царем не буду» и т. д. Постоянство этой черты отрицательных персонажей (паразитизм, никчемность) несомненно свидетельствует об обострении классового антагонизма и все более ясном осмыслении его крестьянством предреволюционной эпохи. Характерно, что в ряде сказок паразитизм и никчемность отрицательных персонажей дополняются презрением к бедности и беднякам. Это презрение также оказывается одним из мотивов их наказания и осмеяния. Так, например, в сказке № 118 «Чудесный огонь» богатые соседи, пожалевшие для бедняка огня растопить печь, наказываются пожаром. В сказке № 115 изображается «мужик богатый, богатый» настолько, что ни с кем знаться не хочет. Обуянный гордыней, он зовет в гости самого бога, потому что только бог кажется ему достойным посетить его. В назначенное время мужик всю дорогу от церкви до дома устилает дорогими коврами. Однако гость не является. Он приходит позже убогим старичком. Богатый грубо выгоняет его, потом спохватывается, но уже поздно. За презрение к бедности он будет наказан. И, наконец, еще один пример — в сказке № 58 терпит поражение царевна, гнушающаяся крестьянского сына, и поддакивающий ей царь. Оба они наказаны ответным презрением. Герой сказки Иван Репников «царя того простил, а на куфарке женился и пошел жить на свое репишшо» (стр. 157).

Таков примерно круг отрицательных персонажей и основные качества, им приписываемые. Качества положительных героев обычно не выявляются с такой четкостью либо рисуются по контрасту с качествами отрицательных персонажей (корыстолюбие — бескорыстие, никчемность — находчивость, сметка, ум и т. д.). Основным же качеством положительного героя все больше становится его социальная принадлежность, которая играет решающую роль в его облике (батрак). Особенно явно это проступает в сатирических сказках, критическая, разоблачительная направленность которых формирует все качества стиля этих сказок. Таким образом, если учесть возрастающую роль бытовых сказок вообще и особенно сатирических сказок, то следует признать, что критическая струя в сказках изучаемого периода явно крепчает.

Вместе с тем это не значит, что по сказкам сборника Н. Е. Ончукова не могут изучаться положительные идеалы их творцов и исполнителей.

¹ Следует отметить, что вторая половина этой сказки явно противоречит первой. Завязывается борьба между купеческим сыном и крестьянами, мать-волшебница помогает ему, он оказывается победителем, губит царя и воцаряется сам, т. е. во второй половине сказки купеческий сын вдруг оказывается положительным героем, которому помогает волшебная сила и т. д. Вполне вероятно, что противоречие это сложилось в результате неудачной контаминации двух различных сюжетов, либо в результате углубления социальной характеристики купеческого сына, вступившей в противоречие с сюжетом.

Как и в сказках, известных по другим сборникам, и более ранним и более поздним, в сказках этого сборника широко отражена положительная трудовая идеология. Она проявляется не только в стремлении преодолеть бедственное положение героя, каким оно рисуется в начале сказки, и не только в стремлении освободиться от зависимости от барина, попа, купца, кулака, то есть сказывается не только в общем смысле и направленности сюжета. Она проявляется то в эпических образах волшебных предметов, в которых народ выразил свою мечту о повышении эффективности труда¹ (чудесные портные, за одну ночь шьющие всю одежду на девять человек, чудесные строители, чудесные рыболовы — № 116; топор-саморез, чудесный лесоруб — № 58; умение летать — № 89; «железная машина на манер человека», помогающая герою, — № 66; чудесная курочка, делающая за старуху всю работу, — № 278 и т. д.), то в формулировке так называемых «трудных задач», которые задаются герою (например, № 123 — пахать пашню; № 126 — поймать златорогую лань, «кобылицу-златынницу», построить «карап, чтобы ходил по суши, по воды»; № 153 — объездить необъезженного коня; № 166 — раскормить коня в три дня, чтобы он был сыт и гладок; поймать медведя и т. д.), то в отказе разбойника грабить черепана (№ 13 — «Э, ребята, не мецте черепански горшки, я бывал в черепанской работы, — черепанска работа тяжела» — стр. 58), то в недоверии жены, знающей, как тяжело достается трудовая копейка, к обогащению посредством волшебной утки (№ 65), то в мечте об уничтожении болот, столь характерных для русского Севера (№ 225, 279 и др.), то, наконец, в осмеянии бездельницы Насты, которая на поле заснула так крепко, что не слышала, как муж выстриг ей половину головы (№ 99 и т. д.).

Трудовая идеология сказок особенно ярко выражена в коротенькой сказке № 195 «старец и крестьянин», основная идея которой состоит в утверждении святости труженика-крестьянина в противоположность старцу («лесная лежебочина»), проводящему свои дни в молитве богу. Идея этой сказки родилась на почве неприятия народом нетрудовой идеологии церкви, проповедывавшей отречение от мира, спасение души и т. д., то есть по существу святость праздной жизни богомольцев за счет тружеников.

В сказках из сборника Ончукова, как и обычно в сказках, положительные идеалы обретают свое художественное воплощение не только в образе положительного героя (в его качествах, действиях, речах, в волшебных предметах, приходящих ему на помощь, в характере «трудных задач», с которыми он способен справиться) и самом ходе развития сюжета (о чем тоже уже говорилось), но и в характере развязки.

«Хороший конец» сказки — это некая положительная цель, достигаемая героем, мера его компенсации за несправедливость, рисуемую в начале сказки, — бедствия, унижения, обиды и т. д. Это, наконец, установление морального равновесия, ликвидирующего эти унижения и обиды. Герой в конце сказки неизменно побеждает, торжествует; он вознагражден. Тем самым предполагается, что за развязкой, то есть где-то за пределами сказки, героя и впредь ожидает некое устойчивое равновесие, на которое перестают воздействовать все законы реальной действительности («стали жить-поживать, добра наживать»). Это выключение победившего героя из всех связей реальной и сказочной действительности

¹ См. доклад А. М. Горького на I съезде советских писателей. Собр. соч., т. 27, М., 1953, стр. 299—301 и др. Следует подчеркнуть, что в «Северных сказках» сравнительно мало поэтических образов, отражающих мечту народа о повышении эффективности труда. В бытовых и сатирических сказках, преобладающих в сборнике, они почти не встречаются.

является исторически сложившейся особенностью поэтики сказки, теснейшим образом связанной с идеологией, лежащей в основе сказки, с ее сильными и слабыми сторонами, с ее социальным оптимизмом и, с другой стороны, со слабостью выраженных в ней положительных идеалов.

Ограниченность идеалов и представлений старого крестьянства сказывается и в характере вознаграждения героя к концу сказки. Герой обычно получает какое-то материальное вознаграждение — золото (№ 150, 151, 162 и др.), деньги (№ 431), волшебный бочонок (№ 111) или кошелек (№ 150), в которых не скудеет золото, либо ему открывается «нора самоцветных камней» (№ 69), или достается чудесная утка, каждое яичко которой можно продать за 100 рублей; либо вознаграждение означает исполнение главнейших желаний героя, например, он получает богатство и невесту (№ 89), лошадь, дом, деньги, невесту¹ (№ 73), волшебное царство, которое можно раскатать, взять что надо (например, обувь, платье) и снова закатать (№ 241), либо традиционные волшебные предметы — скатерть-самобранку, гусли-самогуды и др.

Любопытна в этом отношении уже цитировавшаяся сказка № 94 «Старуха-отгадчица», начинающаяся с характерного зачина: «Вот жиу старик и старуха, и у них не было хлеба кускá поїсь. Ена говорит старику...» и кончающаяся тем, что царь спрашивает: «Ну, што же, говорит, бабушка, здись ли ты желаеть, али в свою сторону едешь назад?» Ена ска: «Батюшко, где меня вьзу, назад отвези меня, говорит, уже». «Их государь до смерти хлебом наградиу обоих». Сказка № 191 «Ворожея» заканчивается: «Царь помер. Тут старуху вознесли так, что она на вековечный хлеб попала».

Такая суженность стремлений — прямое и явное следствие резкого обнищания севернорусских деревень в пореформенное время.

В приведенных развязках не просто сказывается крестьянское мировоззрение, а совершенно отчетливо слышится голос изголодавшегося и исстрадавшегося в борьбе за кусок хлеба севернорусского крестьянина конца XIX—начала XX в. Вместе с тем замечательное жизнелюбие, живое народное лукавство ума заставляет творцов и исполнителей сказок из сборника Н. Е. Ончукова подметить эту ограниченность и высмеять ее. Так, например, создается сатирическое изображение суженных стремлений в образе «быка кормленного» («На море на кияне, на острове Буяне, стоит бык кормленный, на правом боку нож точеной, приди, ножом режь и говядину ешь, помакивай да закусывай — № 10»)² и др.

Ограниченность крестьянских идеалов и слабость положительных стремлений при резком обострении социальных мотивов и общем усилении критической и сатирической направленности сказок — таков характер идей, которые лежат в основе изменений в трактовке важнейших образов, сюжетов, мотивов и других элементов поэтики сказки того периода, который отразился в сборнике Н. Е. Ончукова.

* * *

Наконец следует коснуться еще одной важной стороны крестьянского мировоззрения, выраженного в сказках сборника Ончукова. Пореформенное раскрестьянивание крестьян, развитие капиталистических отношений

¹ «...вместо худой избы Ивашко очутился в светлой красивой избе, а вышел вон, увидел — целых три дома стоят. Ивашко пошел в город, выбрал себе невесту, женился и стал жить да поживать да добра наживать, а Яги-бабы больше не видел» (стр. 192).

² См. также № 238.

в деревне привело к решительной ломке патриархальных отношений в пределах деревни, общины и семьи. Стремительный распад «большой семьи» в пореформенный период отмечается всеми, писавшими в эти годы о русском Севере. Однако дело не только в превращении «большой семьи» в «малые семьи». Параллельно с этим процессом развивалась внутрисемейная борьба с патриархальной властью «большака» и «большухи», с патриархальной властью родителей над детьми, мужа над женой, мужчин над женщинами и т. д. Борьба эта не могла обрести свое завершение в условиях дореволюционной действительности по причинам, анализировать которые не место в пределах настоящей статьи. Для нас важно то, что пореформенный и предреволюционный период был периодом нараставшей борьбы с патриархальными традициями во внутрисемейных отношениях русской деревни и, в частности, севернорусской деревни. Это, разумеется, не могло не отразиться и в сказке этого периода, так как сказка нередко избирает сферой действия своих героев именно семью, ставя и разрешая на материале семейных отношений широкие социальные либо нравственные проблемы. И действительно, мы находим в сказке явные отзвуки этих процессов. Так, в сказке № 163 «Что дальше слышно» в своеобразной сказочной форме рассказывается о борьбе между невестками за право быть «большухой». «Большухой» по сказке должна быть выбрана самая догадливая из них. В самом этом решении отражается стремление преодолеть старые патриархальные нормы, согласно которым: 1) «большуха» не назначалась и тем более не выбиралась и 2) «большухой» становилась «старшая» в доме, вне зависимости от личных качеств. В сказке № 183 «Фома и Хавронья» красочно передается известный анекдот о наказании мужа, презиравшего бабью работу и не справившегося с ней.

В сказках сборника герой или героиня, в той или иной форме преодолевающие нормы патриархального гнета, завоевывают неизменные симпатии творцов и исполнителей сказки. Именно в таком духе в основном и строятся взаимоотношения героев в сказках с любовно-анекдотическими сюжетами. Жены, ловко обманывающие мужей, не подчиняющиеся их патриархальной власти, выступают положительными героями этих сказок (типа № 64 «Болезнь», № 121 «Иван Седьмой», № 264 «Жену выпытал» и др.). Однако в силу тех или иных причин в сборнике значительно больше сказок о незадачливых любовниках, чаще всего попах, дьяках, купцах, барах (№№ 101, 138, 139, 141, 145, 175, 208, 209, 221, 253 и др.), то есть сказок, в которых восхваляется добродетельность жены и бдительность мужа¹. Отрицательные персонажи рисуются здесь столь же сатирически и образы их приобретают подчас социальное звучание. Но основная идея этих сказок несомненно не в разоблачении любовников, а в утверждении положительных семейных представлений, не соsmещающихся, однако, со старыми патриархальными нормами (которые, впрочем, тоже получили частичное отражение в сказках № 62 «Жена над мужем», № 76 «Как мужик свою бабу учил», № 25 «Лихая баба и черт»). Таким образом, и эта тема не получает в сказках сборника Н. Е. Ончукова вполне цельного и одностороннего выражения. Это свидетельствует еще раз о сложности, противоречивости и «многослойности» крестьянского мировоззрения пореформенного периода.

Мы уже говорили о двойственном отношении к проблеме «корыстолюбия-бескорыстия», о двойственной и противоречивой оценке образа царя, о двойственности и ограниченности положительных идеалов и т. д. и т. п. В этой же плоскости, как нам кажется, должна решаться и пробле-

¹ Возможно, что известную роль сыграл отбор собирателей.

ма, поставленная еще Н. Е. Ончуковым во вступительной статье к сборнику и в ряде заметок об отдельных исполнителях. На стр. XLVII вступительной статьи он писал: «Моя сказочница Н. М. Дементьева (стр. 160) любительница и знаток преимущественно сказочных сюжетов, да таких, что я только один из них мог напечатать (№ 64). Беззаветная веселость и большой юмор рассыпаны и в сказках В. Д. Шишолова (стр. 103), который также в сказках с веселостью и дурачливостью хочет утопить свою тоску. А причина тоски у Шишолова с Дементьевой, кажется, одна: «неудовлетворенность жизнью и исходящая отсюда тоска. Вот почему и тот и другая от порнографических сказок сразу могут перейти к серьезным, мистическим легендам». Одна из причин распространения порнографических сказок указана Н. Е. Ончуковым верно. Однако в целом вопрос несомненно сложнее. Бедственное положение крестьянства, разумеется, не являлось единственной причиной засорения крестьянского репертуара. Думается, что активизация бытования порнографических сказок должна быть сопоставлена с другими явлениями подобного рода — распространением мещанских жестоких романсов и «блатных» песен, лженародного лубка, мистических рассказов и т. д., свидетельствующих о явном усилении буржуазного и мелкобуржуазного влияния на идеологию крестьянина-труженика. Кажется не случайным, что наибольшее число подобных записей (как порнографических сказок, так и мистических бывальщин) было сделано Ончуковым в его последнюю поездку по русскому Северу, т. е. в 1907 г. Дело, по-видимому, не в изменении личных вкусов собирателя. Можно указать на некоторые параллельные явления и в области литературы. Известно, что именно в годы, непосредственно следовавшие за революцией 1905 г., мистика и порнография мутным потоком хлынули на страницы журналов и книг, издававшихся буржуазными издательствами различных направлений и оттенков. Так же как и в области литературы, в народном творчестве этому течению противостояли здоровые силы, бережно сохранявшие лучшее в классическом наследии русской сказки, способствовавшие укреплению и развитию реалистического метода, развитию и углублению социально-критического и сатирического направления в русской сказке. Это направление развивалось и в других жанрах; во главе него были революционная песня, революционный устный рассказ и революционная частушка, активно воспринимавшиеся крестьянством и оказавшие широкое воздействие на развитие всех жанров русского народного творчества этой поры.

Подведем некоторые итоги. Итак, анализ показал, что в сказках сборника Н. Е. Ончукова действительно довольно широко отразились «чаяния и ожидания» пореформенного крестьянства — стремление преодолеть бедственное состояние, в которое оно все более и более попадало, стремление освободиться от зависимости от бар, попов, купцов, кулаков, нанести им всеми средствами экономическое и моральное поражение (см. наказание за корыстолюбие, паразитизм, никчемность, презрение к бедности и беднякам и т. д. в сатирических сказках), рост антицаристских настроений, стремление преодолеть патриархальный гнет внутри семьи, общины, деревни и др. Перечисленное свидетельствует об обострении социального сознания крестьянства, явном вызревании того протеста, который в годы революции примет открытые политические формы.

Вместе с тем мы отмечали сложность, а подчас и противоречивость, двойственность крестьянского сознания этой поры, его неизбежную историческую ограниченность. Все это свидетельствует об известной борьбе внутри крестьянства, все больше распадавшегося на классы и социальные группы, которые вступали друг с другом в сложные и про-

тиворечивые отношения, о противоречивости мировоззрения отдельных групп крестьянства, о постоянном воздействии буржуазного мировоззрения на трудовую идеологию крестьянина-труженика. Вместе с тем в этой борьбе побеждало здоровое направление, приведшее в годы революции массы передового крестьянства к союзу с пролетариатом в борьбе с царизмом и властью помещиков и капиталистов. В области народного творчества в целом это сказалось в развитии ряда новых жанров — революционных песен, революционного устного рассказа, частушки — и в специфической эволюции «старых» жанров — былины, сказки, лирические песни, народные драмы и т. д. В области сказки следует говорить о дальнейшем развитии реалистического метода, о развитии сатирического и критического направления, о перестройке всей сказки — ее идей и ее сюжета (от завязки до развязки), ее основных образов и отдельных мотивов в стремлении с наибольшей полнотой (методами и средствами сказки) отвечать потребностям новой исторической эпохи.
